

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

МЕНТАЛИТЕТ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ СТРАН

© 2020 г. Д. В. Ушаков

Институт психологии РАН, Москва, Россия

E-mail: dv.usakov@gmail.com

Поступила в редакцию 22.01.2020 г.

После доработки 22.01.2020 г.

Принята к публикации 29.01.2020 г.

По мнению автора доклада, при формировании экономической и социальной политики государства необходимо учитывать особенности менталитета населения, поскольку, как показывают исследования, разделяемые людьми ценности, их мотивации, интеллект влияют на социально-экономические достижения стран. В докладе обосновывается, что соответствие социальных институтов национальному менталитету выступает необходимым условием их успешного функционирования и продуктивного решения встающих перед обществом социальных и экономических задач. Принципиально важно, что менталитет населения — достаточно устойчивое образование, которое транслируется из поколения в поколение.

Ключевые слова: социогуманитарное знание, менталитет, решение социально-экономических задач, культурная трансляция опыта.

DOI: 10.31857/S086958732003024X

Исследования в области социогуманитарных наук постепенно расширяют круг моделей, схем и подходов, которые используются в научно обоснованном управлении экономикой и обществом. Так, если в конце XX в. успешность развития стран оценивалась главным образом с точки зрения показателей экономической эффективности, в первую очередь размера ВВП, то в начале наступившего столетия сложилась тенденция к увеличению набора целевых показателей развития общества. Например, Комиссия по измерению экономической деятельности и социального прогресса под руководством нобелевских лауреатов

Дж. Стиглица и А. Сена, а также Ж.-П. Фитусси, созданная в 2008 г. тогдашним президентом Франции Н. Саркози, высказала опасения по поводу адекватности показателей экономической эффективности в качестве доминирующих ориентиров и целей политики стран. Комиссия утверждает, что “пришло время сместить акцент... с измерения экономического производства на измерение благосостояния¹ людей”, и предлагает принимать во внимание задачи устойчивого развития [1, с. 18].

Постепенно в недрах социогуманитарных исследований вызревают также подходы к расширению круга известных инструментов экономической и социальной политики. Опыт последних десятилетий свидетельствует, что успех в использовании этих инструментов в большой мере определяется культурными особенностями населения, принятыми моделями экономического и социального поведения людей, которые существенно различаются от страны к стране. То, что приводит к экономическому чуду в одних странах, оказывается

УШАКОВ Дмитрий Викторович — академик РАН, директор Института психологии РАН.

¹ В английском оригинале использовано слово *well-being*, которое точнее было бы перевести как благополучие, что, скорее, отражает не столько материальное, сколько психологическое состояние людей.

безрезультатным в других. Так, итоги реформ 1990-х годов в России утвердили многих аналитиков в мысли, что заимствование и пересаживание на отечественную почву успешных западных экономических и социальных институтов не дало ожидаемого эффекта, в том числе вследствие недостаточного учёта особенностей характерного для россиян мировосприятия. А пример Японии, Китая и других стран Восточной и Юго-Восточной Азии показывает, что западные подходы не являются необходимым условием экономического успеха, возможны иные пути, соответствующие культурным особенностям народов и предполагающие создание специфических институциональных форм, адекватных менталитету конкретной нации.

В контексте расширения репертуара подходов к социально-экономическому развитию фундаментальная наука в большинстве случаев играет роль первопроходца, который осваивает неизведанные территории и составляет их первичные карты, служащие ориентиром для последующих практических решений. В отношении проблемы менталитета дело обстоит похожим образом, однако тут есть своя специфика. Нельзя сказать, что практика государственного управления игнорировала роль присущих населению представлений о жизни. Можно привести весьма колоритные примеры, скажем, бритьё боярских бород при Петре I. Ведь стремление обновить внешний облик людей становилось средством изменения образа мыслей тех или иных слоёв общества. В XX столетии в обиход вошёл такой мощный канал воздействия на умы, как средства массовой информации. И всё же проблема менталитета традиционно рассматривалась как периферийная в том смысле, что она не выступала в качестве ключевого фактора социально-экономических достижений стран. Здесь можно говорить о двух обстоятельствах, определивших недооценку менталитета.

Во-первых, взаимосвязь социально-экономического процветания социума с менталитетом того или иного народа — междисциплинарная проблема: её изучение предполагает анализ связи между характеристиками, относящимися к человеку, с переменными, описывающими общество. Между тем если в XIX в. ещё не произошло размежевание социогуманитарных дисциплин и почти все крупные мыслители оставляли свой след как в социальных науках, так и в психологии, то XX столетие отмечено мощным движением к *дифференциации и профессионализации* социогуманитарного знания, которые были сопряжены с расширением эмпирических исследований. Это позволило добиться больших успехов — создать точные модели социальных явлений и процессов, открыть новые области эмпирических исследований, развить объяснительные и предсказатель-

ные возможности науки. Однако подобный рост привёл к образованию концептуальных разрывов в некогда тесно взаимосвязанном социогуманитарном знании. Безусловно, социологический, исторический или экономический анализ всегда опирается на некое понимание психологии человека, но самый простой, а потому предпочтительный теоретический подход состоит в том, чтобы схематизировать поведение человека да ещё и представить его в виде константы, независимой от социально-культурных условий. Однако суть проблемы менталитета заключается как раз в том, чтобы показать, *как меняется ход общественных процессов вследствие изменения поведения людей*.

Во-вторых, сказывается западоцентризм современной социогуманитарной науки и предписаний управленческой практики, которые воспринимаются как эталонные. В контексте западной цивилизации вариации менталитета хотя и имеют место, но они не столь велики, чтобы возникла необходимость в принципиально разных моделях для описания общества. Кроме того, на Западе формирование социальных институтов происходило на основе и параллельно с эволюцией менталитета, что приводило к их незаметной взаимной адаптации. Именно поэтому в западной управленческой практике проблема менталитета не приобретает большой остроты и остаётся малозаметной для науки, которая обслуживает интересы данного общества.

Таким образом, освоение проблемы менталитета социогуманитарным знанием и адекватное отношение к ней в управленческой практике требует фундаментальной научной проработки. Каким же багажом мы сегодня располагаем с точки зрения понимания этой проблемы?

Кросскультурные исследования психологических факторов социально-экономических достижений. По мере проведения исследований в разных странах и появления кросскультурных сопоставлений стали накапливаться строгие данные, указывающие на роль менталитета как важнейшего фактора социально-экономического развития. Было показано, что такие характеристики населения, как ценности, мотивация, интеллект, помимо, а иногда и вопреки экономическим, финансовым, географическим и прочим обстоятельствам, существенно влияют на социально-экономический рост.

Так, группы Д. Мак-Клелланда в США, а затем Х. Хекхаузена в Германии, используя контент-анализ текстов, показали, что *мотивация достижений* в различные исторические периоды меняется. Оказалось, что формирование высокой мотивации достижения предшествует эпохам экономического подъёма. Аналогичные по смыслу результаты получены относительно изменения числа патентов в США, которое следует за усиле-

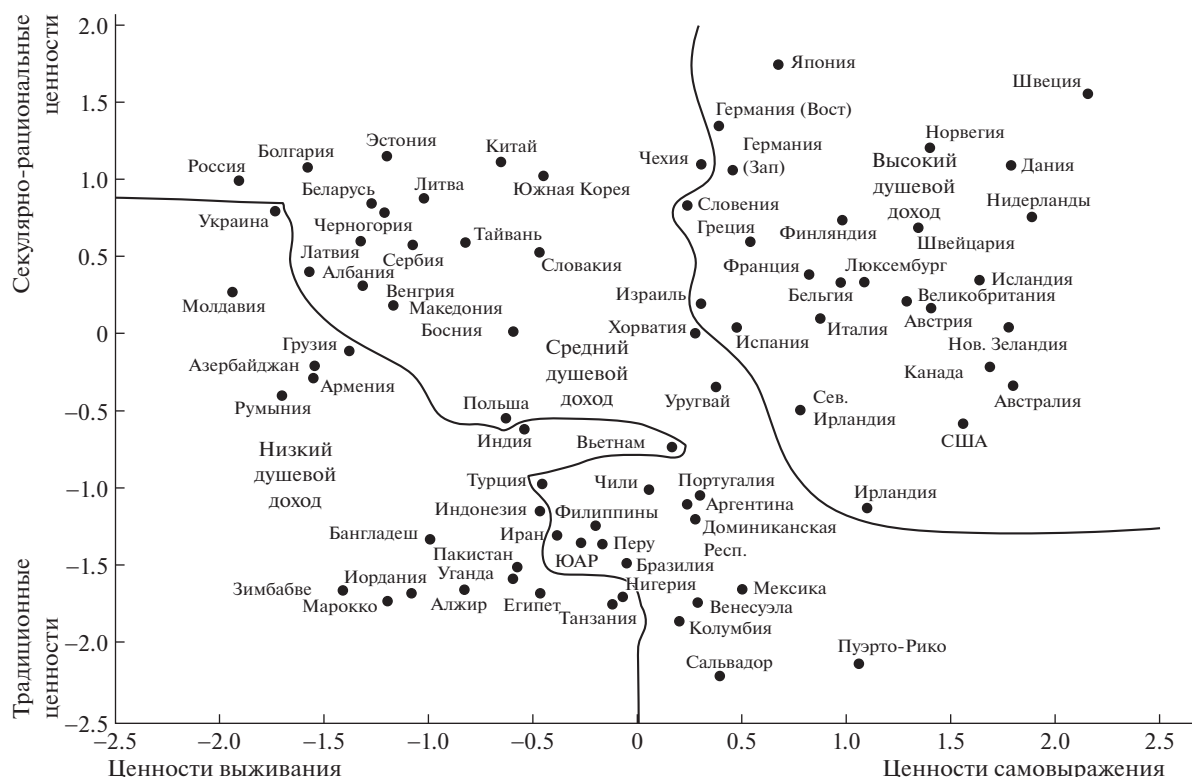

Рис. 1. Карта культурных ценностей и доходы населения

нием мотивации достижения, возрастая до последних десятилетий XIX в., а затем снижаясь.

Три крупных международных проекта кросс-культурного исследования ценностей позволили сделать общий вывод: ценности, принимаемые населением страны, в большой мере коррелируют с экономическими и социальными достижениями. Ценности связаны с такими показателями, как ВВП, коррупция, имущественное расслоение и применение насилия во внутренней политике. Этот ряд легко продолжить. Корреляция во многих случаях превосходит уровень 0.7, то есть оказывается высокой. На рисунке 1 приведена культурная карта мира, полученная в результате международного исследования ценностей К. Инглхарта. Хорошо видно, что страны с высоким, средним и низким уровнем душевого дохода занимают различные места в культурном пространстве. Ценности, таким образом, оказываются тесно связанными с доходами населения.

Кроме того, обнаружилась корреляция между средним уровнем интеллекта населения разных стран мира и доходом на душу населения в этих странах. Национальный интеллект положительно соотносится и с такими показателями, как средняя продолжительность жизни, состояние здравоохранения в стране, развитие демократических институтов, число патентов и научных достижений, количество олимпийских наград, отрица-

тельно — с уровнем рождаемости и коррупции, распространённостью СПИДа и туберкулёза.

Каким образом менталитет влияет на социальные и экономические достижения стран? Приведённые данные, как это ни удивительно, достаточно сложно поддаются концептуализации. Дело в том, что они включают переменные, изучаемые разными науками: с одной стороны — психологические, с другой — социально-экономические. Мы предложили подход к объяснению эмпирических результатов с точки зрения понятия *решения задач*. Посеять хлеб, выточить деталь на станке, спроектировать техническое устройство, управлять коллективом или вести переговоры — всё это задачи, которые приходится решать людям и от которых зависят достижения общества. Социально-экономическая жизнь ставит индивидов, живущих в конкретное историческое время в каком-либо обществе, перед определённым набором типических задач, успешность решения которых обеспечивает большее или меньшее социальное и экономическое преуспевание. При этом следует различать индивидуальный и групповой уровни решения задач.

Индивидуальный уровень. Вариативность индивидуальных различий в производительности умственного труда людей выше, чем вариативность индивидуальных различий в отношении труда физического. Поставленный в Советском Союзе

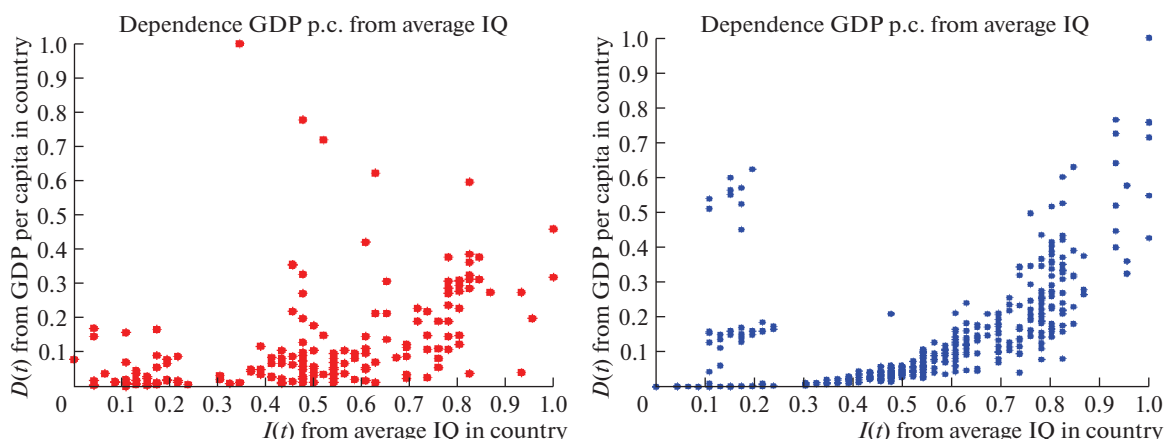

Рис. 2. Сравнение результатов, полученных с помощью модели (справа), и данных Линна–Ванханена. По горизонтали – средний интеллект страны, по вертикали – внутренний национальный продукт

эксперимент, получивший название стахановского движения, показал, что наиболее физически сильные и при этом достаточно умелые рабочие могут превзойти среднего человека по производительности тяжёлого физического труда не более чем в 2–3 раза. В сфере же интеллектуальной и духовной вариативность результативности столь велика, что численность отстает перед индивидуальностью. Согласно закону Прайса, половина всех произведений в данной конкретной области создаётся группой, численность которой равна корню квадратному из общего числа членов данного сообщества. Например, если классический музыкальный репертуар включает произведения примерно 250 композиторов, то половина этого репертуара принадлежит корню квадратному из 250, то есть полтора десятка лучших оказываются в среднем примерно в 15 раз продуктивнее остальных двухсот с лишним тоже очень талантливых композиторов.

В то же время творческий интеллектуальный труд – наиболее важный источник прогресса общества. Именно интеллектуальные инновации преобразуют экономику и социальную жизнь. А значит, продуктивная деятельность небольшого числа высокоодарённых творцов вносит огромный вклад в развитие общества.

Эффективность умственного труда отдельно взятого человека, как показывают психологические исследования, зависит от *когнитивных* (интеллект, способности) и *мотивационных* (мотивация достижения, атрибуция успеха и т.д.) факторов. Мотивационные факторы важнее в интеллектуальном труде низкой и средней сложности, более монотонном и требующем большого упорства. Когнитивные факторы выступают на первый план в сложном интеллектуальном труде. Популяционная дифференциация в когнитивных способностях и мотивации может сказываться на разви-

чиях групп по производительности интеллектуального труда.

Понятие решения задач позволяет моделировать ряд закономерностей в этой сфере. Во-первых, моделированию подлежит сама *связь когнитивных способностей с результатами труда*, в том числе её нелинейный характер. Принцип объяснения характера этой связи заключается в частоте, с которой в популяции встречается способность к решению задач: чем сложнее задача, тем меньше людей, способных к её решению, и, следовательно, дороже продукт. Получающаяся исходя из этих соображений теоретическая кривая похожа на эмпирическую кривую связи между способностями населения и экономическими достижениями социума.

Во-вторых, моделированию подлежат *отклонения от кривой связи между когнитивными способностями и экономическими достижениями*. Эти отклонения тем больше, чем выше совокупный интеллект отдельных стран. В рамках предложенной нами модели общество, выбирая для решения те или иные задачи, создаёт или не создаёт условия для полноценной реализации человеческих способностей. Для данной совокупности способностей людей может существовать *оптимальный набор задач*, который позволяет максимизировать результаты труда. В том случае, если общество ставит перед людьми подходящий набор задач, оно достигает хороших экономических результатов: микроскоп не полезнее молотка, если задача заключается в забивании гвоздей. Для того чтобы извлечь преимущество из владения микроскопом, следует заниматься решением тех задач, для которых он предназначен. Экономическое развитие с этой точки зрения определяется не человеческими способностями как таковыми, а выбором именно тех задач, которые востребуют когнитивный потенциал общества.

Рис. 3. Показатели грамотности крестьянского населения Московской губернии в 1897 г. и тестирования по русскому языку (в форме ЕГЭ и ГИА) в 2012–2013 гг. в районах Московской области

Эти принципы были заложены в математическую модель, позволяющую генерировать результаты, сходные с теми, что обнаружили Р. Линн и Т. Ванханен [2]. Проверка модели показала, что она не только позволяет связать психологические и экономические переменные, но и с большой точностью соответствует эмпирическим данным (рис. 2). Модель воспроизводит результаты Р. Линна и Т. Ванханена в таких чертах, как нелинейность связи интеллекта с экономическими достижениями и рост дисперсии достижений по мере роста интеллекта. Интересно, что модель позволяет объяснить феномен “нефтяного проклятия”: при наличии в стране большого объема натуральных ресурсов бизнес меньше заинтересован в постановке сложных задач, поскольку вложения в область с большой природной рентой оказываются выгоднее.

Групповой уровень. Индивидуальный уровень решения задач — не более чем абстракция. В экономике труд всех людей тесно переплетён, причём взаимодействие может приводить как к взаимному усилению, так и к созданию помех. Подводя итоги своей египетской компании, Наполеон говорил, что два мамелюка (египетских рыцаря) сильнее трёх французов, но 100 французов не побегут перед 100 мамелюками, у 300 французов будет преимущество перед 300 мамелюками, а 1000 французов наверняка побьют 1500 мамелюков [3, с. 27]. Этот пример показателен: в общем случае решение задач большими группами людей определяется не только мастерством индивидов, но и *характером их взаимодействия*. Маме-

люки превосходили французских военных на уровне индивидуального решения военных задач, но проигрывали им на уровне группового решения. Взаимодействие людей может вести к синергии и усилению возможностей коллективов по сравнению с суммой индивидов. В то же время уровень больших групп может приводить и к колоссальным потерям производительности общественных сил, что находит своё отражение, например, в экономическом понятии транзакционных издержек.

Уровень больших социальных групп характеризуется тем, что число людей, вовлечённых в решение задач, их ролей и функций настолько велико, что не может быть удержано в сознании каждым из участников. В результате возникает необходимость организовывать и контролировать взаимодействие через *общие правила*, которые, устойчиво воспроизводясь, формируют социальные институты.

Казалось бы, обеспечиваемое за счёт контроля строгое выполнение разумных правил должно приводить к синергии. Однако для этого нужно, чтобы правила были органически приняты всеми участниками процесса. Навязать институциональные правила извне не удаётся — об этом свидетельствует в том числе и российский опыт 1990-х годов: в ответ на навязывание институтами общества сформировало собственные институты, неформальные, но определявшие реальное протекание процессов. Социальные институты не могут быть простым воплощением реформаторского проекта, они всегда отражают *психологическое состояние общества*. Попытка внедрения институтов, выросших на чужой почве, может наталкиваться на отторжение или искажение предписываемых правил поведения, если они противоречат психологическим особенностям данного социума. Здесь вступают в силу ценностные системы, которые составляют своего рода психологическое обеспечение принятия и функционирования социальных институтов. Ценности населения оказывают влияние на социально-экономические достижения стран в основном именно через институциональный фактор.

Следуя указанной логике, удаётся проследить пути влияния различных психологических характеристик населения на успешность индивидуального и группового решения социально-экономических задач, что определяет различия на уровне социально-экономических достижений стран. Но не может ли быть так, что менталитет формируется автоматически вслед за определёнными экономическими отношениями и, используя марксистскую терминологию, базис определяет надстройку? Реальность показывает, что это не совсем так, и даже марксисты были вынужде-

ны признать относительную независимость базиса от надстройки.

Устойчивость менталитета. Менталитет (надстройка) обнаруживает удивительную независимость от базиса и устойчивость: через временные промежутки, превышающие столетия, у потомков можно обнаружить черты их предков. Возьмём пример из работ нашей лаборатории. В одном из исследований сравнивалась грамотность крестьянского населения Московской губернии в 1897 г. и результаты ЕГЭ и ГИА по русскому языку в 2012–2013 гг. в Московской области. Результаты приведены на рисунке 3.

Географическое распределение грамотности конца XIX в. оказалось похоже на распределение образовательных достижений в XXI в.: районы с большей грамотностью сохранили более высокие достижения по русскому языку и наоборот. Корреляция двух измерений, проведённых с промежутком более чем в 100 лет, за который страна из царской превратилась в социалистическую, а потом в капиталистическую, составила $r = 0.58$. Позднее аналогичная закономерность — связь грамотности населения в XIX в. с показателями образовательных тестов в XXI в. — была подтверждена для регионов России [4]. Это не единственный пример, причём менталитет воспроизводится не только по географическому принципу, но даже и после миграции групп населения. Так, ценность независимости у жителей современных Соединённых Штатов Америки связана с годом отмены крепостного права в стране происхождения их предков [5].

Процессы формирования менталитета. Менталитет достаточно устойчив, что, однако, не значит, что он не подвержен изменениям. Трансформации происходят постоянно, и те особенности менталитета, которые на небольших временных промежутках выглядят константами, тоже когда-то были результатом изменения.

Логично предположить, что формирование особенностей менталитета групп людей связано с внешними условиями их жизни, в частности трудовой деятельности. В последние годы эта гипотеза была подтверждена некоторыми данными. Так, в кросскультурной сфере интерес исследователей привлекает проблема дихотомии коллективизма—индивидуализма и холистического—аналитического мышления. Представители Юго-Восточной Азии более склонны к коллективизму и холистическому мышлению, в то время как европейцы — к индивидуализму и аналитическому мышлению. Аналитическое мышление основано на выделении небольшого числа закономерностей и формальном выводе из них, в то время как в рамках холистического подхода во внимание принимается большее число аспектов, значимость каждого из которых как бы “взвешивает-

ся”. Можно ли вывести эти различия из исторических особенностей трудовой деятельности различных групп населения?

В одном исследовании, опубликованном в журнале “Science”, была предложена гипотеза о том, что коллективизм и холистическое мышление исторически связаны с производством риса, которое предполагает взаимодействие достаточно больших групп людей. Для проверки гипотезы авторы воспользовались различием между регионами Китая: исторически севернее р. Янцзы преимущественно выращивалось пшено, а южнее — рис. Удалось показать, что относительная большая пропорция выращивания риса по сравнению с пшеном в родном регионе китайца является значимым положительным предиктором коллективизма и холизма и отрицательным — вероятности развода и числа изобретений.

Ещё одно заинтересовавшее исследователей различие связано с так называемой *культурой гордости* (culture of honor), характеризующей, как полагают, юг США по сравнению с севером. Представители этой культуры, особенно мужчины, стремятся поддерживать репутацию людей, не переносящих обиды. Действительно, у южан по сравнению с северянами в ситуации оскорбления отмечается существенно большее повышение в крови уровня кортизола (гормона, принимающего участие в стрессовых реакциях), а президенты США из южных штатов по сравнению с северянами вдвое чаще пытались решать конфликты вооружённым путём, были более склонны затягивать их и втрое чаще заканчивали их в свою пользу.

По мнению автора этой гипотезы Р. Нисбетта, подобные различия могут быть исторически обусловлены преобладанием в южных штатах скотоводства по сравнению с земледелием: скот, в отличие от хлебного поля, можно легко угнать, поэтому репутация хозяина как способного дать отпор агрессору оказывается важной составляющей успешного хозяйствования в этих условиях.

В связи со сказанным можно вспомнить гипотезу обусловленности некоторых черт российского менталитета, обсуждавшуюся ещё В.О. Ключевским. Так, склонность к фаталистическому взгляду на мир, по мнению нашего знаменитого историка, может порождаться неустойчивым земледелием, при котором от внешних обстоятельств (погоды) зависит больше, чем от собственных усилий: величина урожая в России может изменяться от года к году в 6–7 раз, в то время как в Европе в 1.5–2 раза [6]. При этом короткая продолжительность сельскохозяйственного сезона требует недолгого предельного напряжения сил, за которым следует снижение активности в течение длительного холодного сезона. Эти рассуждения, однако, не имеют научного подтвер-

ждения и могут рассматриваться лишь как гипотетические.

Трансляция менталитета. Трансляция моделей поведения из поколения в поколение происходит в основном за счёт культурных механизмов, в том числе благодаря неосознанной передаче установок в семье. Механизмы такой передачи хорошо изучены в психологии. Один из них связан с положительным и отрицательным подкреплением соответственно поощряемого и порицаемого поведения, другой — со стремлением детей следовать образцам, демонстрируемым их родителями. Эти каналы межпоколенческой трансляции несвободны от помех и сбоев, тем не менее благодаря им поведение старших поколений в значительной степени воспроизводится младшими.

В то же время нельзя исключить и действие *генетических механизмов* передачи опыта от поколения к поколению. Такая отрасль науки, как генетика поведения, свидетельствует о значимом вкладе генетических факторов в психологические характеристики людей. Методы генетики поведения основаны на оценке психологических свойств родственников — моно- и дизиготных близнецов, сиблингов, родителей и детей и т.д. Силу генетических влияний можно оценить по тому, насколько более похожими по тем или иным психологическим свойствам оказываются люди, находящиеся в родственных связях.

Исследования в области генетики поведения позволяют говорить о существенном влиянии генетических факторов на психологические особенности людей. Так, наследуемость объясняет от 50 до 80% дисперсии показателей интеллекта. Высока доля генетической обусловленности и базовых характеристик личности, таких как интроверсия—экстраверсия, психотизм, совестливость и т.д.

Традиционно в отечественной науке было принято считать, что на каком-то этапе антропогенеза естественный отбор прекращается, биологическая природа человека замирает в своём развитии и дальнейшие изменения происходят за счёт воздействия культурных факторов, общественных отношений. Однако *высокая наследуемость* ряда свойств людей заставляет по-новому взглянуть на эту проблему. Если в каких-то культурах некоторые психологические свойства членов популяции оказываются связанными с числом их жизнеспособных потомков, то это означает, что в этих культурах естественный отбор продолжает действовать и соответствующие поведенческие особенности популяции передаются на генетическом уровне.

Однако можно ли предположить, что в рисоводческих сообществах большее количество потомков оставляли люди с синтетическим мышлением, а в сообществах скотоводов — способные к

агрессивному отпору? Пока что нет твёрдых фактических оснований для подобных утверждений. Однако мы располагаем фактами о связи фертильности с некоторыми психологическими качествами людей в наше время. Например, в ряде исследований установлено, что уровень образования и интеллект в современных странах Запада связаны с числом потомков, причём и для мужчин, и для женщин эта связь, к сожалению, отрицательная. Таким образом, на протяжении XX в. должно было происходить снижение, правда, весьма незначительное, генетического интеллекта в Европе и Северной Америке, хотя показатели тестов интеллекта (вероятно, из-за изменений условий жизни и системы образования) всё это время росли.

В то же время ситуация не всегда складывалась таким образом. Некоторые исследователи предполагают, что перелом произошёл в середине XIX в. вследствие общего изменения демографических процессов. Во всяком случае данные палеогенетики позволяют предположить, что на протяжении последнего тысячелетия показатели обучаемости населения Европы имели тенденцию к росту. Исторически богатство было важным фактором, влияющим на количество потомков. Так, изучение размеров завещанных средств и состава наследников в средневековой Англии показало, что представители привилегированных классов оставляли большее число потомков, что должно было привести к постепенному увеличению характерных для этих классов генетических признаков в общем генофонде населения.

Размер состояния, влияющий на число потомков, в свою очередь определялся некоторыми психологическими свойствами, причём эта зависимость опосредована специфическими условиями жизни в данном обществе. В одних случаях это мог быть интеллект, в других — агрессивность, в третьих — синтетическое мышление и т.д. В каких-то популяциях эти характеристики могли закрепляться на генетическом уровне.

Во всех случаях менталитет населения представляет собой достаточно устойчивую систему, которая способна сохранять свои черты на протяжении столетий. Это обстоятельство не позволяет игнорировать проблему менталитета, признать её малосущественной и надеяться, что модели поведения людей с течением времени сами собой изменятся в нужную сторону, начнут соответствовать желательному, например, что коррупция и преступность снизятся, а демократичность взаимодействия, напротив, возрастет.

Менталитет и научное управление обществом. Учёт особенностей менталитета особенно важен в условиях российской действительности, поскольку в нашей стране на протяжении XX в. два раза происходили радикальные институциональ-

ные реформы, а значит, не было возможностей для согласованного и гармоничного развития социальных институтов и менталитета нации.

Влияние умонастроений населения на социально-экономическую жизнь общества и феномен устойчивости менталитета необходимо принимать во внимание при выстраивании *стратегии управления социально-экономическим развитием*. Таких стратегий может быть несколько. Одна из них заключается в том, чтобы проектировать институты с учётом специфики менталитета и опираться на его сильные стороны. Подобный подход с успехом реализовывался во второй половине XX в. Японией, Южной Кореей, Китаем и некоторыми другими азиатскими странами. Организация японских предприятий и японской политической системы далека от западных образцов, она строится исходя из особенностей азиатского коллективистского менталитета. При этом эффективность японских, североамериканских и западноевропейских стратегий развития оказалась сопоставимой. В нашей стране осознанная политика по созданию адекватных менталитету социальных институтов предполагает серьёзную научную работу, включающую как эмпирические исследования способов поведения людей в различных ситуациях, так и моделирование функционирования тех или иных социальных институтов в этих условиях.

Другая стратегия заключается в том, чтобы приближать менталитет к тому состоянию, которое способствует функционированию заданных эталонных институтов. В этом контексте необходимо как минимум отслеживать влияние государственных решений на менталитет нации. Это влияние может быть очень сильным, что хорошо иллюстрирует изменение ценностей в дворянской среде в конце XVIII—начале XIX в. Трансформация менталитета в тот период была столь значительной, что, если верить А.С. Грибоедову, нравы недавнего прошлого в какой-то момент стали казаться удивительными: “Свежо предание, а верится с трудом”. Старые образцы поведения стали невозможными для нового поколения, которое отвергло подобоострастный стиль поведения с вышестоящими, вытеснив его высокоразвитым чувством чести. Не стоит, конечно, идеализировать и чрезмерно обобщать поведение социальных групп, среди которых всегда сохраняется некоторый диапазон нормы, но несомненно, что сдвиг произошёл боль-

шой. Эти изменения возникли не на пустом месте: жизнь дворянства преобразовалась в результате государственных решений, центральным из которых стал Манифест Петра III 1762 г., жаловавший вольности дворянству. Право нести или не нести по своему выбору государственную службу послужило выработке новых способов поведения поколений “непоротых дворян”, более независимых от власти, более дороживших своей репутацией.

Сегодня влияние государственных решений на менталитет населения стало комплексным, многоуровневым, взаимосвязанным. Поэтому ещё сложнее, чем в прошлом, проследить за последствиями государственных решений для массовой психологии — для этого требуются научные модели. Однако решения принимаются постоянно, а их психологическая сторона никем не оценивается. В то же время учёт особенностей национального менталитета представляет собой важную тенденцию развития социогуманитарных наук в последние годы.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-30035).

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: НИИ СП, 2010.
2. Ushakov D., Kulivets S. Modeling relationship between cognitive abilities and economic achievements // Психология. Журнал ВШЭ. 2016. Т. 13. № 4. С. 636–648.
3. Свечин А.А. Эволюция военного искусства с древнейших времён до наших дней. Т. 1. М.—Л.: Государственное издательство военной литературы, 1927.
4. Ushakov D., Grigoriev A., Valueva E., Zirenko M., Lynn R. Differences in educational attainment, socio-economic variables and geographical location across 79 provinces of the Russian Federation // Intelligence. 2016 V. 58. P. 14–17.
5. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2. С. 37–67.
6. Гольц Г.А. Культура и экономика: поиск взаимодействия // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 23–35.